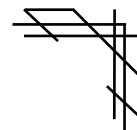

Часть IX

Киев в 1945-1964 годах

После праздника Победы скорбь войны, невзгоды, беды мыслями жестокими возвращались в память снова к матерям, сиротам, вдовам, ставшим одинокими.

У благополучной части киевлян войны несчастья отходили в прошлое. В виде добровольной смены дружно шли снимать проблемы общегородошные.

На Крещатика отстройке в форме всенародной стройки балки тяжеленные, доски, трубы разгружали штрафники, и горожане, и военнопленные.

На Сырце сырце кирпичный формовали эластичный пестрою командою, глину рядом добывали, пульпу в Бабий Яр сливали, перекрытый дамбою.

Соцбарочных схем догматик, новый строился Крещатик мускульной механикой, словно крендель в вязке кружев глазированный снаружи белою керамикой.

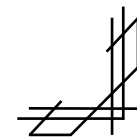
Партноменклатуры лица заселяли центр столицы от горкома в премию. Жены их, служанки, бабки любовались с Бессарабки памятником Ленину.

Печки, плитки, керогазы заменив дашавским газом, на бумаге матовой “Правду” по утрам читали – Жданова предпочитали Зошенко с Ахматовой.

Главпочтамт, “Пассаж” и “Дружба” Киеву придали южный колер белоснежности. (По амнистии, враг пленный не достроил современный *майдан Незалежності*.)

Тополя, каштаны, клены разрастались в фильтр зеленый вдоха бронхиального. Пляж и Днепр сплетались лентой желто-голубого цвета (неофициального).

В знойный летний день на пляжах, Днепр форсировал на баржах, сотни отдыхающих, что потомков нарожали, на Трухановом лежали в толпах загорающих.

Подрастало поколение,
плюсы соцобеспечения
с молоком впитавшее,
восполняя бодрой сменой
предыдущее колено,
от фашистов павшее.

Пионерский лагерь, школа,
активисты комсомола,
спорт, поддержка в творчестве,
турпоходные кутежи
не давали молодежи
киснуть в одиночестве.

От детей расправив плечи,
взрослым стало много легче
на заводах вкалывать.
Из казны рублевой кучкой
их авансом и получкой
полагалось жаловать.

Напрягался от работы
набиравший обороты
производства увальень,
встречным пятилетним планом
перекрывший общим валом
довоенный уровень.

Каждый труженик отдельный
был звеном цепочки цельной
кадровой политики.
Общества крепили сферу
с разным весом и размером
человеко-винтики.

Уровень заработной платы
“по способностям” (и блату)
отмерялся кассою.
Но и руководство даже
не кичилось в эпатаже
денежною массою.

Все купюрные излишки
облигации, сберкнижки
скапливали чистые.
Только в день получки сладкий
прожигали по тридцатке
дворники с министрами.

Под крылом колхозных пашень
голод был совсем не страшен.
Овощепродуктами,
салом городские рынки
забивали украинки,
ягодами, фруктами.

Чернь беспаспортного класса
на рубли меняла мясо,
колбасу с беконами.
Тлели мусором напрасным
на муку, яйцо и масло
карточки с талонами.

Ширпотребные вещицы
предлагали мастерицы,
продавцы, провизоры.
Ордера ушли в корзины –
все имели магазины,
даже телевизоры.

У Крещатика в подмышках
появилась телевышка
эйфелевой башнею,
превратив разверткой строчек
сеть привычных киноточек
в технику вчерашнюю.

На просмотр кино и драмы
в “чуде с голубым экраном”
к телеобеспеченным
семьям бойкие соседки,
взяв с собою табуретки,
собирались вечером.

Жвачку “Новостей” жевали.
Искренне переживали
гаврошей страдания,
что их от войны спасали:
краской слово “мир!” писали
на парижских зданиях.

Осудив врачей-семитов,
финансистов с Уолл-Стрита,
жутких гоминдановцев,
вслух над неграми рыдали,
коих зверски линчевали
банды ку-клукс-клановцев.

С Тито больше не водились.
А с корейцами гордились
дружбой катакомбною.
От войны с американцем
собирались отмахаться
атомною бомбою.

В мартовском кошмаре диком
всенародной скорби пиком
от Читы до Таллинна,
с кровью смешанным елеем,
отгремели в мавзолее
похороны Сталина.

Вождь и гений лучезарный,
нашпигованный бальзамом
в мумию консервную,
подтолкнул к возне у трона
за вакантную корону
гвардию резервную.

Берию сразив патроном
как английского шпиона
и уладив с кителем
манекена Маленкова,
выбрали Н.С.Хрущева
партии правителем.

Его лидерства начало
примечательно совпало
с праздника зарницами
триумфального значенья:
триста лет объединенья
русских с украинцами.

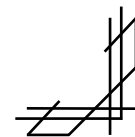
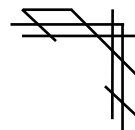
Бывший (в мрачные години)
попечитель Украины
с щедростью подростковой
к ее карте гроздь приклеил –
осчастливил к юбилею
Крымским полуостровом.

Киеву с кремлевской веси
орден Ленина подвесил -
дни войны скассировал.
И парад километровый
через мост Патона новый
храбро Днепр форсировал.

Флаги, стенды, транспаранты
выносили демонстранты
на проспекты города,
выводили вальса туры,
приняв порцию ”микстуры“
к рождеству от холода.

Дважды в год поток холопов
по утрам в колоннах топал
мимо сливок нации,
что с трибун на них взирали
и гульнуть благословляли
после демонстрации.

Праздники сменяла проза
дней рабочих и угроза
голода серьезного.
Без насилия комиссара
падал урожай с гектара
батрака колхозного.

Чтоб у всех был хлеб пшеничный,
стыковал горком столичный
эшелоны длинные,
комсомолом поднимая
Казахстана и Алтая
залежи целинные.

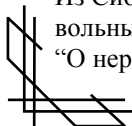
Крепкой спайкою, с весельем
был готов народ со всеми
трудностями справиться...
Но собрался съезд двадцатый,
где партийный император
вслух решил покаяться.

Там культ личности закрыто
осудил Хрущев Никита,
чтоб как недостойного,
в будущем бесстрашье млея,
вытянуть из мавзолея
Сталина покойного.

Новым курсом, с разворота,
оправдал “врагов народа”
съездовский нежданный спич.
Как ГУЛАГ ковал победу
за один лишь день, поведал
зэк Иван Денисович.

Тот, кто с курсом не смыкался,
с новым шефом расставался
без особых проводов:
Каганович, Ворошилов,
и примкнувший к ним Шепилов,
Маленков и Молотов.

На покой без лишних звуков
отбыл грозный маршал Жуков
вместо повышения.
Из Сибири шли по списку
вольные, скрепив подписку
“О неразглашении”.

О лишеньях их, страданьях
“Новый мир” в своих изданиях
изредка рассказывал –
как барометр режима,
послаблением пружины
“оттепель” показывал.

Занавес прорвал железный,
в идеологи полезли
диверсанты с Запада:
Ив Монтан с его подругой,
рок энд ролл и буги-вуги
звездно-полосатые.

Распоясавшись в отваге,
по Крещатику стилияги
ерзали вертлюжные.
Им пример в манерах дали
на Московском фестивале
делегаты чуждые.

Им французскими глазами
двусерийно показали
в протяженье месяцев
хронику о том, как в Штатах,
праздных, сытых и богатых,
янки с жиру бесятся.

Как работает, гуляет,
в изобилие процветает
общество гниющее,
в кинозале с удивленьем
познавало поколение,
в коммунизм идущее.

Рекламатор кукурузы
молодежь всего Союза
в утвержденной хартии
обещал еще при жизни
дотянуть до коммунизма
по “Программе партии”.

Даже в “Кодексе моральном”
расписали, как формально
коммунизма ценности
по дороге не прохлопать:
“По способности работать,
кушать по потребности!”.

В это время киевляне
в изобилие потребляли
борщ и кашу пшеничную.
Мучила, как теорема,
их жилищная проблема,
так и не решенная.

Поумневшие крестьяне
прописались в “киевляне”
койкой в общежитии,
паспорт получив на руки –
гнали от колхозной муки
в город их родители.

На бытсектор фабзавкомов
навалился снежным комом
дефицит жилплощади.
И пришлось клепать поточно
сеть пятиэтажек блочных
за ресурсы тощие.

Метод выгонял бригадный
Дарницу, массив Отрадный,
Чоколовку с Нивками.
Зелень киевских проспектов
башни соцкультбытобъектов
красили прививками:

Житный и Сенной базары,
мост на пляж с Речным вокзалом
и гранитной пристанью,
новый цирк, Дворец для спорта,
здание аэропорта
с трассой до Борисполя.

Между двух днепровских склонов
был открыт театр Зеленый
под стеной брандмаурной,
а над ним в тени дубравы –
шпиль и факел Вечной славы
на аллее траурной.

Память ратного горнила
долго темами кормила
творческую братию.
Подвиги бойцов отважных
под пером писцов бумажных
влились в хрестоматию.

Стельмах, Корнейчук, Яновский,
Гончара “Знаменосцы”
пафосом газетчиков
и интригой увлекали,
как и Барнет, Дольд-Михайлик
“Подвигом разведчиков”.

Ужвий творчеством кипучим,
Гнат Юра, Амвросий Бучма
с трупною партнерскою
на экране и на сцене
демонстрировали смене
мастерство актерское.

А на торжествах концертных
голоса певцов десертных
чистотой безгрешили:
Лора с Беллою Руденко,
Ворвулев, Мирошниченко
меломанов тешили.

Майборода, Гнатюковым
голосом, *рушник матковий*
песнею вытреливал.
В бровь и в глаз сатирной пулькой
Штепсель вместе с Тарапунькой
юмором выстреливал.

“Думку” пестовал Минькивский,
хор – Веревка, танец – Вирский,
а Сова – пародии.

Рахлин и Турчак талантом
погружали оркестрантов
в таинства мелодии.

Шли “Шевченко” Савченковий
с “Киевлянкой” Левчуковой
в киносеть парадами.
Параджановские “Тени”
с фестивалей богатели
высшими наградами.

Школы, техникумы, вузы
насыщали знаний грузом
молодежь отзвучную.
На Святошинской просечке
встало *Академмістечко*
базою научною.

Под землей метро прорыли –
перевозку упростили
граждан с пользой явственной.
Голосеевские дали
павильонам место дали
Выставки хозяйственной.

Там весной в шестьдесят первом
в оформлении модерном
чехи даровщиною
из фанеры и бумаги
создали кусочек Праги
с западной начинкою.

Для простого человека
распахнула двери Мекка
стиля европейского,
где певички, модельеры
нового несли примеры
образа житейского.

Этот образ непривычный
был закрыт как неприличный
комсомольским ханжеством,
но, с подачи чешских братцев,
стал чуть-чуть приоткрываться
девичьим отважеством.

Слабый пол, обрезав косы,
волосы подняв в начесы,
маски макияжные
класть на лица не стеснялся,
даже в брюки попытался
втиснуться обтяжные.

На агитпропаргументы
навалились конкуренты
мозгопромывания.
Правду знать народ пытался.
В церковь кое-кто подался
вместо партсобрания.

Тайно самиздат глотали,
по транзистору внимали
гласу забугорному,
над Никитой изгалялись
и влиянию поддались
Запада тлетворному.

Идеологи защиты
трафарета соцкультбыта
под гребенку ровную
грешной части населенья
объявили осужденье
и вендетту кровную.

И Большой театр балета,
и Гагарина ракета,
Братской ГЭС могущество,
для Фиделя Кастро крыша
подавались как афиша
нашим преимуществам.

На стилиг и ренегатов
из Кремля неслись цитаты
проповедей ханжеских.
Лысый лидер коммунистов
мучил абстракционистов,
как агентов вражеских.

Солженицина с Твардовским
придавил террор кремлевский
как правдоискателей.
Гончара с его “Собором”
придержали за забором
общества писателей.

Из Печерской лавры махом
выселили всех монахов
на прописку вольную.
В богоборческом порыве
снова загремели взрывы
изподкололочные.

От кощунства над народом
возмутилась и природа,
вольности лишенная.
Бабийярскую плотину
прорвала воды лавина,
в ил закрепошенная.

Куреневский парк столицы,
стадион “Спартак”, больницу
с домиками частными,
крупный блок трамвайной связи
затопило море грязи
с жертвами несчастными.

Власти с помощью военных
сняли с крыш десятки пленных
горожан испуганных.
Лиц, что без вести пропали,
больше сотни откопали,
лавою поруганных.

В дамбу трубы уложили,
а над Яром проложили
трассу протяженную.
Только совести изгой
не оставили в покое
место прокаженное.

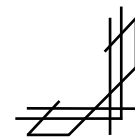
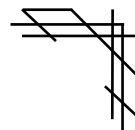
Через десять лет у Яра
партия с землей сровняла
кладбище еврейское.
На объекте поминанья
вознеслось до неба зданье
телеевропейское.

На него с крестом на крыше
с горечью взирает бывший
монастырь Кирилловский,
в тайны Яра посвященный,
прозорливо превращенный
в психприют дебиловский.

Сумасшедшие на воле
помешались на футболе.
Заменяли библию
Воинов и Лобановский,
Базилевич, Трояновский,
и Каневский с Бибою.

Чемпионские медали
москвичи впервые сдали
киевским динамовцам.
Сабо, Щегольков, Турянчик
впрок позолотили мячик
Блохинам-стахановцам.

Те, кто после них играли,
в среднем раз в три года брали
эльбрусы футбольные.
И в Европе их команда
часто низвергала грандов
в пропасти крамольные.

Первую же их победу
Киев приложил к обеду
вместо хлеба белого.

В жаркий год и в год морозный
не тянул чумаك колхозный
воза захирелого.

В земледельческой неволе
отбывали номер в поле
старые аграрии.
На подъем овощеводства
под партийным руководством
слались пролетарии.

Ни солдаты, ни студенты,
ни спецы-интеллигенты
битву урожайную
до конца не доводили –
жизнь в совхозах проводили
караван-сарайную.

Приходилось побираться
Христа ради у канадца.
Расплатились золотом
за заморскую пшеницу,
что к волнениям в столице
послужило поводом.

В булочных, совсем без шуток,
вдруг не стало арнауток –
ни единой корочки.

В разговоре злом и дерзком,
как в семнадцатом на Невском,
слышались разборочки.

Первый секретарь при этом
в прессе собственным портретом
продолжал тщеславиться,
а в ООНе дебоширил...
И в ЦеКа тайком решили
от него избавиться.

Из Пицунды с дачи новой
онемелого Хрущева
вызвали на сессию
и, за нрав его капризный,
обвинив в волюнтаризме,
выгнали на пенсию.

После “жесткой рукавицы”
захотели главпартийцы
руководства нежного
и нашли себе овечку
на вакантное местечко –
Леонида Брежнева.

